

цируется нечто другое. А если нечто коммуницируется, то оно не сознание. И в данном случае нас вообще не интересует проблема объективной коммуникации, т. е. проблема, без которой не существует ни современное лингвистическое понимание текста, ни теория информации в целом. Это нас не интересует потому, что мы осознаем, что когда что-то коммуницируется, то коммуницируется вовсе не сознание — сознание должно постоянно возникать само.

Таким образом, возвращаясь к нашему пониманию текста, мы можем его сформулировать следующим образом: текст в нашем понимании применительно к мета-теории сознания — это некоторая длительность содержания, ориентированная на некоторое состояние сознания. А последнее мы вводим вне какой-либо принципиальной оппозиции. Состояние сознания не противостоит тем содержаниям, соотнесенным с ним, о которых шла речь до сих пор, — такая оппозиция не имеет места.

3. СТРУКТУРЫ СОЗНАНИЯ

Теперь переходим к третьей основной категории в наших рассуждениях, а именно к «структуре сознания». Нам представляется, что структура сознания будет содержанием, абстрагированным от состояния сознания, т. е. от того первоначального условия, которое мы ввели, когда вводили понятие «состояние сознания», а именно что оно есть нечто, не существующее вне приуроченности к индивиду. О структуре сознания мы скажем: это есть нечто, принципиально не могущее существовать, будучи приурочено к индивиду, потому что оно имеет прежде всего сугубо содержательное существование, но опять-таки не в смысле противопоставления формы и содержания.

Структура сознания может быть названа содержанием и может быть названа формой. Частично понятием «структура сознания» мы покрываем то, что тради-

ционно во многих философских течениях и школах называется «формой сознания».

Структура сознания представляется нам каким-то чисто «пространственным» элементом; мы говорим, что сознание существует, т. е. мы представляем себе, что существует ряд совершенно конкретных явлений сознания. Допустим такой элементарный случай: несколько человек высказывают какую-то общую идею, чем дают нам возможность обнаружить какие-то «одинаковые тексты». Нам кажется чрезвычайно существенным начинать с одинаковости, с повторяемости. Эти несколько человек могут жить одновременно, или они могут жить в разные века или в разных тысячелетиях, или можно сказать так: какие-то «тексты сознания» прочитаны в разное время и в разных местах. И этим предполагается, что как факт сознания они одинаковы, ибо у нас нет оснований с точки зрения содержательного подхода к тексту в этом сомневаться. У нас будут основания в этом сомневаться, если мы будем подходить к этой же проблеме на уровне психологии личности и даже на уровне нашего представления о состоянии сознания, но в данном случае мы от этого отвлекаемся. Мы не знаем, кто прочел, но мы знаем, что прочитано. Грубо говоря, мы встречаемся со случаем, когда «сознание прочитало сознание». Нам важно, что прочитало сознание и что оно прочитало. Тут предполагается и определенная длительность этого содержания. И когда у нас есть ряд таких текстов, то мы можем сделать один элементарный, чисто бытовой вывод, что такого рода текст «вообще есть», — не то, что он возникает в разных местах, в разное время, а что «такой текст есть». Мы говорим: текст, а не тексты, — потому что если мы считаем их одинаковыми с точки зрения прокламированного нами подхода, то у нас нет основания говорить: «тексты». Ведь математик не говорит: «числа 5», но говорит: «число 5», хотя оно может фигурировать в тысячах и миллионах случаев, связанных с различными прагматическими, временно-пространственными ситуациями.

Мы можем сказать: вот существует такой факт сознания, мы предполагаем под фактом нечто содержательное. Но это еще не есть структура сознания. Мы хотим, чтобы наше мышление привыкло к иному подходу к материалу сознания. Мы говорим, что нечто здесь существует, и на это существование длительности содержания сознания мы в каких-то случаях можем накладывать определенные рамки, т. е. в каком-то смысле мы можем говорить, что существует определенный текст сознания, и в то же время, если мы про какой-то текст сознания говорим, что он существует, у нас есть некоторые основания утверждать, скажем, что в этом месте существует сознание. Это во-первых. Что в этом месте не существует другого текста сознания — во-вторых. И что есть место, где этого текста сознания не существует, — в-третьих. [Здесь можно было бы добавить четвертое: этот текст сознания должен существовать.]

Можно сказать, что эти содержательные акты сознания дискретны, что они дискретны не только по отношению к ничему, т. е. к тому, где нет сознания, и не только по отношению к перебиву другими актами сознания, но что они дискретны в самих себе, т. е. как одинаковые, но отдельные акты. Когда мы говорим, что есть акт сознания, это не означает (как когда речь шла о состоянии сознания) временно-пространственной непрерывности, потому что, когда он есть, это не означает ничего более того, что «он есть». Под «есть» мы предполагаем, что он «есть» в данный момент, когда мы говорим, что он есть, и что у нас нет основания полагать, чтобы в какое-нибудь другое время (когда об этом пойдет речь в нашем метарассуждении) его бы не было. Но мы не рассуждаем непрерывно и не осознаем непрерывно. Дискретность своего сознательного существования мы произвольно накладываем на факт содержательности сознания.

Теперь возвращаемся к пространственной характеристике. Все то, что мы сейчас сказали, само по себе не говорит о том, что этот факт сознания реально существ-

вует в пространстве, но нам удобно говорить о нем как о «как бы существующем» в каком-то пространстве.

Само пространство может осознаваться как содержательное явление сознания. Содержательный факт или содержательный материал сознания есть некоторое пространственное расположение самого материала сознания — не в том смысле, что сознание «в» пространстве, а в том, что само это сознание (как структура сознания) есть определенное пространственное расположение относительно самого себя. Сама структура сознания есть определенная пространственная конфигурация. Сама по себе она есть некоторое пространство¹.

И наконец, последняя характеристика «факта» сознания. Можно сказать, что этим фактом могут быть структуры. Что это означает? То, что он может обладать определенной сложностью, т. е. он может содержать в себе известное разнообразие. Само существование факта, понятие о котором мы вводим, предполагает собой разнообразие сознания. Мы говорим: «где-то есть факт сознания», «где-то есть один факт сознания, а где-то совсем другой».

Наши размышления о факте сознания сами по себе есть размышления о структуре сознания. Он факт, пока мы не наделили его этим последним важным свойством — внутренней сложностью в отличие от однородности состояния сознания. Именно поэтому он может быть расчленен в процессе метарассуждения. Причем в процессе метарассуждения он может быть расчленен иначе, чем он расчленяется в личностной, культурной, индивидуальной конкретизации, а также в любой другой: социальной, технологической, математической, лингвистической и т. д. И метарассуждение, расчленяющее, структурирующее материал сознания, будет предметно иным, потому что оно есть некоторый самостоятельный

¹ И в этой связи мы решились бы сказать, что «пространство есть структура сознания» в том смысле, в каком Жан Гебсер говорит, что «время есть феномен психики».

предмет, и с некоторой точки зрения наше расчленение будет опосредствующим по отношению к другому расчленению, которое произвел бы сам человек, попадающий или попавший в ту или иную структуру сознания.

Мы в момент нашего метарассуждения о структуре сознания не имеем возможности оценивать наше понимание сознания с точки зрения применения к нему понятия структуры. Это очень важное обстоятельство. Мы можем утверждать, что содержанию такого факта сознания, каким является в данный момент наше рассуждение о сознании, соответствует известное состояние сознания, но мы не можем описывать этот факт, который мы сейчас эксплицируем в нашей работе, в смысле определенной структуры сознания.

Таким образом, когда мы рассуждаем о нашем понимании сознания, мы сами не знаем, в какой структуре сознания мы находимся, и если бы мы знали, то тем самым мы автоматически находились бы уже в другой структуре сознания, чем та, в которой мы излагаем нашу метатеорию сознания.

«Факт сознания», когда мы отличаем его от структуры сознания, может полагаться равноценным понятию «случившееся сознание».

Как «случившееся сознание», оно реально не может быть нами в каждый момент схвачено в метарассуждении. И хотя мы задаем вопрос: является ли указанное случившееся сознание содержательным сознанием, является ли оно структурой сознания, но в данном случае отпадают ограничения, которые мы высказали вначале. В частности, отпадает ограничение: «есть факт сознания или нет факта сознания». Мы считаем, что «есть», потому что мы сейчас в некотором роде сопричастны этому факту, но мы не можем говорить о структуре сознания, когда мы говорим о факте сознания, потому что структура сознания обязательно предполагает внешнюю и внутреннюю расчлененность, а мы не способны, в силу известного правила дополнительности в наблюдении, одновременно переживать факт сознания

и как структуру (может быть, мы оказались уже в другой или в третьей структуре). Или, может быть, мы вообще вышли из области структуры сознания в область случившегося сознания, которое нами не может быть структурировано. Поэтому мы не можем сказать, что, где существует факт, там существует структура сознания, существует структурированный факт сознания, ибо мы не можем к каждому факту сознания прилагать интерпретацию структурированности. Мы лишь предполагаем, что содержательность сознания может выступать в качестве структур.

То есть мы рассуждаем примерно так: мы попали в «условия дополненности» при наблюдении, и тем не менее мы ищем какой-то способ объективного описания. Понятие структуры сознания есть то понятие, которое позволяет нам компромиссно в «условиях дополненности» стать на путь объективного описания того, что мы в начале нашего рассуждения договорились не считать объектом.

Утверждая, что существуют какие-то структуры сознания, и утверждая соответствие этих структур определенным, конкретным текстам сознания, включая сюда вербальные, письменные и т. д., мы вместе с тем субъективно не можем сказать, идет ли речь о структуре сознания. Можно рассуждать так: существует нечто, что мы называем структурой сознания. Допустим, мы предлагаем какой-то текст и говорим: «прошу вас считать этот текст структурой сознания». Скажем, мы предлагаем: «мы осознаем то обстоятельство, что мы когда-нибудь умрем, осознавая при этом и то обстоятельство, что мы не знаем, когда это случится, и осознание этого обстоятельства лишает первую его часть чисто психологической достоверности». И в данном случае мы говорим: «мы считаем это структурой сознания».

Поскольку мы ввели понятие «структура сознания», это уже наше дело считать, что является структурой сознания, а что не является. Но мы при этом не можем утверждать, что мы находимся в этой структуре

сознания. Это можно сказать про другого человека, но не про себя. Нельзя сказать это про себя в двух смыслах. Во-первых, потому, что мы тут же неизбежно переходим в метаструктуру, которая не равна структуре. Это вообще уже что-то совершенно иное, чем мы здесь заниматься не будем. Это есть вторичное, третичное, четвертичное осознание сознания (и ему, очевидно, соответствует и особое состояние сознания). Во-вторых, здесь есть еще и имеющее отношение к этому вопросу, так сказать, «предметное» обстоятельство: мы не можем быть уверенными, что находимся именно в этой структуре, в силу того факта, что мы сейчас осознаем нахождение в этой структуре. Поэтому эмпирическое утверждение о каком-то факте сознания, что он является структурой сознания, может иметь место только в объективном плане. Ведь мы в принципе могли бы сказать, что может быть задан какой-то список структур сознания, но мы не можем сказать в каждый данный момент, в какой части, в какой точке этого списка мы находимся. Но тем не менее список есть, и в нем есть какое-то количество (вероятно, не очень большое) структур сознания.

Теперь возвращаемся опять к одной из первоначальных характеристик, связанных со структурами сознания. Итак, какие-то факты мы можем рассматривать как разные структуры сознания, какие-то факты — как относящиеся к структуре сознания, какие-то факты — как не относящиеся к структуре сознания (если мы ставим вопрос в общей форме). Является ли этот факт сам по себе структурой сознания или нет? По-видимому, мы можем иметь дело не только с разными структурами, но и с разными фактами сознания, разными в их отношении к структуре. То есть о каком-то факте мы можем сказать, что это — структура сознания, о другом — что это не структура сознания, хотя последний в определенных прагматических ситуациях может фигурировать как структура сознания. Это именно то, что можно было бы назвать псевдоструктурой созна-

ния. Здесь, как об этом уже говорилось вначале, невозможна теория, т.е. мы не можем заранее предсказать структуру сознания, даже рассматривая при этом относительно большой текст. Мы можем этот текст определенным образом примитивизировать, дробить, членить. И мы можем сказать, что текст этот поддается описанию на уровне структур сознания или что в нем поддается такому описанию и что нет.

Мы не знаем заранее всего, что относится к структуре сознания, но мы договорились о каких-то фактах, что они есть структуры сознания или что некоторые факты мы можем представить себе в некоторых прагматических ситуациях играющими роль структур сознания. Скажем, относительно такого примера, как «человек смертен», мы предполагаем, что это — структура сознания. Но понятие «человек» не является структурой сознания, по преимуществу оно является фактом сознания, но оно не является фактом, который будет давать нам при многочисленном повторении во времени и пространстве основание считать себя одним и тем же, т.е. считать себя структурой сознания. Мы его называем одним и тем же фактом сознания исключительно в силу однозначности его лингвистической обозначенности (когда такие тексты оказываются в пределах одного и того же естественного языка). Таким образом, если мы говорим, что существует структура сознания в применении к «человеку» (в нашем примере), то мы имеем в виду, что человек является структурой сознания лишь как набор признаков или как содержание типа «человек смертен». Мы можем также сказать, что этот факт имеет отношение к структуре сознания, поэтому мы его и называем псевдоструктурой сознания.

Возьмем, наконец, для примера третий факт сознания — «Я». Его еще труднее объективно квалифицировать с точки зрения сознания, ибо признаки «Я» относятся к совершенно другой плоскости, чем признаки «человека», не говоря уже о плоскости, в которой фигурирует структура «человек смертен».

«Человек» или «человек смертен» фигурирует на уровне структур сознания, а признаки «Я» фигурируют на уровне вторичных образований сознания, т. е. тех, которые конструируются из материалов первичных, а первичным является структура сознания. И когда человек говорит: «мое Я этому чуждо», он использует некоторые псевдоструктуры сознания, потому что «Я» не существует в смысле структуры сознания. Здесь чрезвычайно важно, что «Я» соответствует определенному состоянию сознания. Напомним при этом, что состояние сознания не обязательно должно соответствовать структуре сознания. Оно может соответствовать псевдоструктуре сознания, или не-структуре сознания, или факту сознания, или ничему. Но мы здесь условимся считать, что факты и структуры сознания не могут быть обратно соотнесены состояниям сознания. Даже если мы рассматриваем конструкцию «Я» как иллюзорную по отношению к материалу, заданному структурой сознания, то сама эта иллюзорная конструкция имплицитно определяет определенное состояние сознания.

Мы договорились, что эмпирически найденный факт сознания мы в общем случае не можем однозначно соотносить со структурой сознания. Мы не можем также и само наше метарассуждение соотнести со структурой сознания. Но каждый этап нашего метарассуждения, с одной стороны, является фактом сознания, а с другой — что особенно важно — соответствует определенным состояниям сознания. Таким образом, становится возможным представление о своего рода однонаправленной семиотической связи: структуры сознания, будущие структуры, не-структуры, отсутствие структур или отсутствие фактов на данном этапе нашего метарассуждения могут полагаться знаками состояния сознания. Но не наоборот, мы не можем идти от состояния сознания к содержательности сознания, поскольку содержательность мы рассматриваем как постоянную возможность состояния сознания.

Мы можем представить себе семиотическую классификацию сознания: что-то в сознании мы могли бы полагать знаком чего-то другого. В частности, внутри структуры сознания можно вычленить какой-то атомарный факт, который, будучи нами воспринят отдельно, будет фигурировать как знак этой структуры. Но и тут не будет однозначной связи. Тем не менее мы можем утверждать о какой-то определенной семиотической связи, так же как в случае соотнесения атомарных фактов, составленных из них структур и неструктурных атомарных фактов — с определенными состояниями сознания, как знаков — с обозначаемыми.

Мы привыкли полагать все мыслимое генерацией нашей психики. Но поскольку мы условились, что психикой заниматься не будем, то, если будет предложена идея о том, что психика генерирует нечто относящееся к сознанию, мы не будем с этой идеей спорить, потому что мы не занимаемся психикой — мы занимаемся только сознанием. Но если мы отказываемся от гипотезы психического субстрата сознания (в нашем рассмотрении он не фигурирует), то мы обязаны отказаться и от тех прагматических навыков и эстетических образов, которые связаны с идеей генерации, и прежде всего от одного пространственного образа, который присутствует почти во всех текстах, где соотносится человек и какой-то акт сознания.

Человек включает факт сознания в какую-то пространственную физическую (т.е. на самом деле «псевдофизическую») сферу своего «я». Он говорит: «у меня родилась мысль», «я нечто придумал», «в моей голове возникла идея». Нам было бы интересно, поскольку мы отказываемся от идеи генерации, предложить своего рода инверсионный «антиобраз». Если мы будем говорить не «у меня возникла идея», а «я возник в идее», не «я придумал нечто», а «я оказался в нечто», «я оказался в мысли о чем-то», «я оказался внутри какого-то факта сознания», то это может «эстетически» помочь привычке к другому подходу, помочь чувственно вос-

принять мыслительные конструкции, к которым мы хотим приучить себя интеллектуально, помочь развитию новых рефлексивных процедур.

Поскольку мы исходим из факта сознания как в некотором роде «топологического понятия», понятия, связанного с местом и пространством, постольку мы можем представить себе психику как существующую «отдельно» (я полагаю, никто не станет спорить с тем психологическим фактом, что психики дискретны — психика «моя», «другого человека» и т. д.), как оказывающуюся внутри каких-то фактов или структур сознания. Но это опять-таки предполагает, что психики могут оказаться и вне структур сознания вообще. Данная психика может быть в нескольких структурах сознания, может быть в одной структуре сознания или в другой структуре сознания. Естественно, все это имеет смысл только при попытке объективного подхода.

В проблеме структуры сознания, в проблеме разъяснения того, что такое структура сознания, можно идти от одной детали нашего истолкования состояния сознания. Состоянием сознания можно называть то, что «интерпретировано» и «дано как присутствие», т. е., иначе говоря, состояние сознания может рассматриваться как продукт интерпретации или переживания сознанием индивидуальных психических механизмов. Или, употребляя другое, эквивалентное этому выражение: сознание может «захватываться» этими механизмами. Феноменологически же проявление сознания можно интерпретировать как восполнение нашего знания о психике. «Объект» и «субъект» тогда будут существовать лишь как разные случаи интерпретации сознанием этих психических механизмов.

Оппозиция «объект — субъект» с этой точки зрения может быть нами разъяснена как одна из структур сознания. В смысле утверждения того, что объект и субъект существуют лишь как интерпретации сознанием психических механизмов, может быть рассмотрена не только проблема сознания, но и проблема бессознательного...

И тогда бессознательное будет выступать как исполнение сознания в другом (в данном случае — психофизиологическом) материале. В связи с этим мы опять возвращаемся к тому, о чем уже говорили: сознание есть такой текст, который возникает актом чтения этого текста, который сам себя обозначает, который отсылает к самому себе. Эта самоотсылка снова становится текстом до бесконечности. И отсюда — переход к структуре сознания.

Структура сознания — то содержательное, устойчивое расположение «места сознания», которое обнаруживается в связи с состоянием сознания, с точки зрения сферы сознания. То есть если мы взглянем на состояние сознания со стороны сферы сознания, то мы в состояниях сознания можем увидеть, вычленив, выявить структуры сознания. К этим структурам сознания применимо все то, что говорилось выше, что они могут быть, могут не быть и т. д. Структуры сознания дискретны в пространстве и недискретны во времени, в отличие от Декартовой топологии пространства. Структура сознания есть фактически внеличностное, квазипредметное состояние бытия. Мы здесь уже переходим на тот уровень анализа, который у нас до сих пор отсутствовал, а именно на уровень сопоставительного анализа структуры сознания и бытия. Фактически структура сознания есть некоторое «заделывание дыр бытия», «дыр», оставляемых причинно-следственными агрегатами. В этой квазипредметно структурированной «дыре» (которая другой структуры не имеет, потому что она — дыра) есть целостные структуры сознания.

И здесь важно подчеркнуть следующую мысль, касающуюся способа бытия, жизни структуры сознания. Структура сознания рассматривается нами как нечто такое, к чему неприменимо понятие возникновения, уничтожения, — структуры сознания не возникают и не уничтожаются, ее может не быть в том или другом месте, или вообще может не быть той или другой струк-

туры сознания. Но если она есть, то мы не можем уже говорить о том, что она возникла, или о том, что она уничтожилась. Мы можем говорить, что сознание ушло из какой-то структуры сознания, покинуло эту структуру, и, может быть, мы это сознание засечем потом в какой-нибудь другой структуре сознания, но мы ничего не говорим о судьбе предшествующей ей или другой структуры сознания, из которой ушло сознание или которая была покинута сознанием.

Кстати говоря, раз мы строим метатеорию сознания с учетом условий дополнительности наблюдения, то мы здесь должны говорить лишь о новом сознательном опыте, а не о рождении и уничтожении структуры сознания. Фактически мы структуру сознания должны рассматривать в виде некоей исконнозаданности и, может быть, даже ограниченной конечным по своему классификационному ряду материалом, который мы «берем взаймы» и здесь разрабатываем (под «мы» имеется в виду технический механизм нашей работы). Мы богаты чем-то взятым взаймы. Скажем, на этом взятом взаймы мы строим конструкцию «Я». На этом взятом взаймы мы строим мифологию и т. д.

Так вот, сознание может покидать мифологическую систему, научную систему или даже языковую систему. Можно пояснить такой метатеоретический характер самого понятия структуры сознания, например сопоставив структуру сознания с конструкциями типа «Я». Конструкции этого типа с точки зрения метода, пожалуй, более приближаются к идеологическим конструкциям¹. Они, если их рассматривать в их отношении к структуре сознания, находятся как бы на одном уровне, равноправны между собой и потому схожи со

¹ Замечательно, что исходным пунктом всякого буддийского философствования является тезис о «не-я» (в символическом аппарате нашей метатеории: «„Я“ не является структурой сознания»). Но у нас это не исключает наличия состояния сознания, соответствующего «Я» (в буддийской философии: «Нет такого состояния сознания, т. е. такой дхармы, как „Я“»).

структурами сознания, в отношении к которым они являются производными, вторичными явлениями. Так, если идти от «Я» или идеологических конструкций к этим структурам сознания, то они являются конечными, неразложимыми феноменами, конечными пунктами отсылки. Но если идти к структурам сознания от нашего символического аппарата, то эти структуры являются квазипредметными образованиями, представляющими собой элемент нашего обобщенного детерминистского объективного описания, которое дает нам предметы и содержание отсчета. Мы подчеркиваем — содержание отсчета, чтобы напомнить, что само состояние сознания как таковое вводилось нами как нечто бессодержательное, в отличие от структуры сознания. Так вот, это обобщенное объективное описание дает нам содержательные предметы, идеальные объекты, мотивации, отсчет вторичных процессов, т.е. саму работу, всегда совершающуюся во вторичных процессах, то развертывание, которое индивидуальный психический механизм совершает с материалом сознания, когда этот механизм в нем находится.

Последнее разъяснение настолько трудно понять (не только читателю, но и нам самим), что оно нуждается в конкретном примере. Мы говорим: «рекуррентность есть структура сознания». Но пойдем по этапам понимания. Сначала она является нам как представление о том, что любая вещь, личность, событие или факт абсолютно лишены уникальности, т.е. что все, что с нами случается (включая нас самих), уже было бесчисленное число раз и еще бесчисленное число раз повторится. Конечно, мы можем представить себе это как буквальное повторение фактов в циклах однонаправленного времени (т.е. от прошлого, через настоящее, к будущему). Или — как движение событий по какой-то замкнутой кривой времени (включая сюда движение нас, если события фиксированы, а мы движемся). Ни то ни другое не значит ничего в отношении структуры сознания. Но если мы представим себе, что всякий

факт есть в безличной сфере сознания, и что он случается всякий раз, когда это место (т.е. то, где он есть) пересекается континуумом «моих» (или «чьих-то») сознательных состояний, и что с точки зрения сферы сознания этот «мой» континуум, так же как и пересечение им этого «места» в сфере, есть такой же факт, тогда мы можем сказать, что «рекуррентность есть структура сознания»¹. Таким образом, если наблюдать факт рекуррентности как событие (т.е. одновременное бытие различных вещей, каждая из которых есть и без другой)², то рекуррентность в смысле структуры сознания можно интерпретировать следующим образом: «Рекуррентность есть возвращение индивидуального сознания (не в смысле „Я“, а в смысле континуума состояний сознания) к сфере сознания, возвращение, фиксируемое в рефлексии над фактами и само наблюдаемое как факт»³.

Когда один данный человек сейчас идет по дороге меж деревьев, останавливается и думает: «Вот так же, как сейчас, я когда-то, в другое время, шел по этой дороге, и чувствовал ветер на затылке, и остановился, и думал...» — то мы как внешние наблюдатели могли бы сказать об этой ситуации (в которую мы, разумеется, включаем и самих себя — с нашим думанием, говорением, писанием и рефлексированием всего этого) так.

(1) Этот человек обнаруживает фактом своего думания такое состояние сознания (т.е. это мы говорим, что это — «состояние сознания»), которое «вводит» его в структуру сознания, называемую по нашей таксономии «рекуррентность».

(2) Его рефлексия сама по себе (здесь ее знак: «я думаю, что...») не имеет отношения к сознанию по

¹ Этот пример нами трактуется образом, близким к тому, каким бы он трактовался в школе Виджнянавада (одна из четырех основных школ буддийской философии, возникших в III—IV вв. н.э.).

² Разумеется, такое наблюдение предполагает позицию метатеоретика, т.е. «нашу» позицию здесь, в этой книге, внутри факта рефлексии.

³ Внутри факта рефлексии.

содержанию и тем самым может считаться другим, одновременным с первым, состоянием сознания, которое

(3) «вставляет» разные факты («я иду по дороге», «дорога», «мое ощущение ветра» и т. д. — их число и число их комбинаций огромно) в структуру сознания, называемую «рекурренция», делая их этим фактами сознания, т. е. тем, что сопричастно сознанию по содержанию¹.

(4) Наше же наблюдение всего этого (и его описание здесь) есть, прежде всего, знак нашего знания о структуре сознания «рекурренция». Но это не обязательно значит, что сами мы находимся в этой структуре. Более точно было бы сказать, что мы знаем о ней как о содержании, которое определенным образом интерпретируется в смысле сознания. В данном случае образ интерпретации значит «структура сознания», а определенный образ — структура сознания, называемая «рекурренция». Тогда какие-то состояния сознания мы сможем рассматривать как то, что индуцирует такую интерпретацию (вернее, что может ее индуцировать)².

В понятии мифа эти две вещи — «структура сознания» и «интерпретация» — оказываются настолько тесно связанными, что в принципе разделить их почти невозможно. Однако в конкретных случаях это оказывается возможным.

Начиная с Платона, миф фигурирует в резкой и четкой оппозиции к «знанию» (может быть, даже имплицитно — к «исследованию»), являясь некой целостно-

¹ Виджнянавадинскую «сферу сознания» применительно к данному случаю можно было бы уподобить гигантскому депозиторию «кинокадров сознания», в котором всякий отдельный кадр является таким же фактом сознания, как целая пленка или как группа кадров из разных пленок.

² «Интерпретация» в данном случае не может нами полагаться ни как психологический процесс (в смысле Уильяма Джеймса), ни как реализация логического закона или правила (в смысле Эдмунда Гуссерля). Скорее мы могли бы назвать ее «рабочим» результатом какого-то состояния сознания, говорить о котором более подробно мы не можем, пока мы заняты интерпретацией.

стью (картиной, образом, ситуацией, сюжетом) имагинации, не обладающей собственным (все равно — сознательным или натуральным) бытием. Мы могли бы сказать (если бы на мгновение предположили, что Платон и Ницше пользовались нашей терминологией), что гомеровский Зевс был для Платона мифом, а сократовский Эвдемон — структурой сознания, в то время как для Ницше оппозиция добра и зла была мифом, а оппозиция «Аполлон — Дионис» — структурой сознания. Но уже с начала XIX века миф начинает осознаваться в качестве более или менее стойкой конструкции сознания, которая должна изучаться как таковая, вне зависимости от ее отношения к действительному положению вещей (историческому, психологическому, биологическому и т.д.). Это логически (т.е. в силу логики мышления исследователей) привело к трем (в возможности) основным типам понимания мифа:

1) как универсалии сознания (психологической — у Вундта, культурно-исторической — у Ницше и Фрейда, психогенетической — у Фрейда, психоисторической — у Эриксона и т.д.);

2) как феномена природы, противопоставленного мышлению исследователя (Фрэзер, Леви-Брюль, Марр и т.д.);

3) как особого способа (точнее — очень широкой группы способов) моделирования действительности, по существу снимающего (нейтрализующего) оппозицию «исследователь — наблюдаемый объект», возвращающего миф к статусу универсалии сознания и делающего мифическую конструкцию более или менее аналогичной конструкции языковой (Уорф, Пайк, Леви-Стросс, Топоров и т.д.). Мы думаем, что в первом случае миф имплицитно сводится к состоянию сознания, во втором — к факту мышления. Третий же случай особенно интересен тем, что авторы, раскрывая миф как идеологическую конструкцию, не понимают, что они раскрывают его интерпретацию, т.е. что за всяким «мифом» стоит целый ряд интерпретаций,

производимых не только исследователем, но и наблюдаемыми агентами.

Миф живет в интерпретациях, живет как некая неанализируемая целостность. Но его нельзя постулировать как структуру сознания (в том смысле, в каком мы говорили «рекурренция — это структура сознания», «человек смертен — это структура сознания» и т. д.), на него можно только указать как на целостный факт (или как на факт целостности)¹. Но для того, чтобы стать фактом сознания, миф сначала должен быть фактом. «Всемирный потоп» может осознаваться как повторяющийся миллионы раз (в структуре сознания «рекурренция») либо как бывший (или — не бывший) один раз, но он будет интерпретироваться как фактуальное событие. «Человек смертен» (или «страдание» в буддизме Малой колесницы) фактуально, но не в своей событийности — такого события нет, оно обладает лишь бытийностью сознания. Но «событие», будучи фактом сознания, может объективно находиться в структуре сознания или субъективно интерпретироваться в смысле этой структуры (как «потоп» — в смысле «рекурренции»). Тогда оно потеряет значение факта². Но такого рода факт останется фактом всякий раз, когда он будет получать чисто психологическую интерпретацию³. То есть ему может и соответствовать определенная структура сознания, но он не окажется в ней.

¹ Эта идея была впервые услышана одним из авторов от теоретика архитектуры Майкла Сиверцева. Он в одном из своих докладов утверждал, что мифы подобны некоторым «исходным» архитектурным и градостроительным планам, не сводимым к составляющим их элементам и не выводимым из них. Поэтому, заключал он, миф «не может быть частичным».

² Как, согласно буддийской философии, факт твоей смерти перестает быть фактом, когда ты понял, открыл (т. е. вошел в структуру сознания), что «человек смертен». Этим ты «фактуально» стал бессмертным.

³ Мы думаем, впрочем, что то же самое можно сказать и о факте, получающем чисто логическую интерпретацию.

Символ в этом отношении (т. е. в отношении сознания) отличается от мифа прежде всего тем, что он — вещь, а не факт. Однако, как и миф, он останется только вещью (притом совершенно конкретной), пока не будет интерпретирован в отношении определенной структуры (или состояния) сознания. Не вдаваясь в подробности понимания символа (о чем речь пойдет ниже), мы здесь лишь заметим, что символ логически не выводим ни из физически составляющих его элементов, ни из целого (если таковое есть), элементом которого ему случится быть. «Яйцо Брахмы», символизирующее бесконечную вставленность миров друг в друга, логически может быть интерпретировано в смысле «рекуррентности» так же хорошо, как созданный Робертом Грейвзом образ (в одном из его детских стихотворений) мира, повторяющегося до бесконечности в одной из его деталей, или как два зеркала, отражающие друг друга. Но здесь важно не то, как «может» быть интерпретирована вещь, а как она на «самом деле» интерпретируется. И в этом отношении «яйцо Брахмы» — символ «рекуррентности», а два других образа — нет, ибо весь комплекс представлений об этом почти практически не почитавшемся боге Древней Индии есть комплекс представлений о бесконечности циклов, образующих своего рода «замкнутое (в яйце) пространство времени», т. е. «вещь, вне которой нет времени» (мы указываем на «яйцо» как на символ и постулируем «вещь, вне которой нет времени», как структуру сознания).